

**«ПРОЕКТ О УЧРЕЖДЕНИИ ПОРЯДКОВ СЛЕДУЮЩИХ
К ПРАВОСУДИЮ»: ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVIII В.***

В истории российской общественно-политической мысли XVIII в. ключевое место занимает изучение политических взглядов и предпочтений дворянства. Зачастую специалисты расценивают рост дворянских привилегий, имевший место на протяжении всего столетия (важнейшими вехами на этом пути были Манифест о вольности дворянской 1762 г. и Жалованная грамота 1785 г.), как результат определенного давления дворянства на правительство Империи. Соответственно, речь идет о «дворянских идеологах», «дворянских публицистах» и «дворянском конституционализме». Часто выдвигается мнение о том, что развитие «дворянского конституционализма» было серьезным вызовом императорскому абсолютизму со стороны консолидирующегося дворянского класса (сословия?)¹.

Я постараюсь показать, что на деле тема дворянских прав вовсе не может быть интерпретирована однозначно, а говоря о «классовой консолидации» историки попадают в ловушку заимствованных объяснительных моделей. Я предлагаю рассмотреть источник, обнаруженный мной в фонде Паниных в РГАДА². Это объемный документ (без указания авторства), озаглавленный «Проект о учреждении порядков следующих к правосудию». Этот «Проект» был создан в 1767 г. (по крайней мере, именно так датирован оригинальный документ). Очевидно, что он не был составлен Н.И. Паниным (но можно предполагать авторство его брата, П.И. Панина, который к этому времени вернулся в Россию из Пруссии, где участвовал в Семилетней войне). Имеется ссылка на опыт, который автор наблюдал в Туле, когда местное купечество сместило полицмейстера, но возможно, что речь не идет о личном наблюдении.

Базовой идеей «проекта» было инкорпорирование вышедшего в отставку дворянства (не исключая даже и фельдмаршалов!) в систему земского управления. Выходящие в отставку с военной или гражданской службы дворяне являются естественным ресурсом для организации местного самоуправления. Предлагалось вести учет, «в которой губернии и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Государственное управление в России во второй половине XVIII в.: теоретические и концептуальные подходы и их практическое воплощение (региональный аспект)», проект № 13-31-01003.

провинции отставных дворян и всяких чинов живущих, и во время государственной надобности каковых чинов потребно, не искав их незнанию тотчас наряд учинить возможно»³. Автор неоднократно ссылался на «общую пользу» и особо отмечал, что отставной дворянин «яко сын отечеству должен общую пользу наблюдать и сохранять наивыше по чину своему».

Прежде всего, автор указывает на необходимость в формировании выборных дворянских органов управления на местах. Выборные дворянские судьи, комиссары и штатгальтеры не будут уступать в компетентности чиновникам: «Господа генералитеты отставные не малую пользу в собраниях дворянских принести могут, ибо они как люди практикованные, и более сведущие о государственных делах и порядках, и при первом случае необыкновенном могут советами своими хорошее и порядочное наставление дать и от излишних требований по незнанию внутренних государственных дел, а по знанию своему воздержать смогут, да и от воинских команд по важности чина своего скорее без дальних жалоб охранить могут»⁴. Дворяне – это естественный кадровый ресурс, способный взять на себя ответственность за управление провинцией в части, не касающейся «государевых интересных дел».

Предлагалось также упростить систему управления Империей, отказавшись от приписных городов. Приток дворян в провинциальные центры на ежегодный съезд будет способствовать развитию в этих городах торговли и образования.

Кроме того, выборные должностные лица не будут брать взятки (ибо их будет содержать дворянское сообщество провинции, а брать взятки у своих же соседей недостойно дворянина), тогда как назначенный чиновник уедет и «во весь век его не случится с ними видеться, и так такового своя ж и совесть не трогает, да и страху по смене от дворян не будет иметь, а наблюдает своего только интересу»⁵.

Более всего автора проекта заботит проблема оперативного разбора тяжб между дворянами. Выборный штатгальтер должен судить «самою сущюю правдой непродолжительно».

Важнейшим аргументом выступает ссылка на дворянскую честь и искусство в «штатских делах». Механизмы чести, рационального интереса и искусства позволят дворянскому самоуправлению справиться с административными и судебными проблемами, раздирающими российскую провинцию. Правосудие будет быстрым, а ябедников и кляузников будут искоренены «честным обществом» вплоть до лишения чинов и ссылки. Наконец, комиссары и штатгальтеры смогут эффективно бороться с «воровскими партиями»: поддержка со стороны всех членов дворянского общества лишит разбойников пристанища – и уже «чрез три года разбойников и воровской партии быть не может»⁶. Наконец, комиссары и штат-

гальтеры могут собирать подушную подать, опять-таки с большей эффективностью⁷.

Особая тема, заботившая автора проекта – это движение воинских команд через дворянские владения, производящие опустошительное разорение. Жалобы на воинские команды красной нитью проходят через текст проекта. Вопросы организации зимних квартир и постоя, снабжения фуражом, подводной повинности должны регулироваться штатгальтером и комиссаром, которые не дадут вверенные им провинции в обиду. Кроме того, в «Проекте...» предлагается расквартировывать войска в городах, в специальных казармах⁸.

Итак, в целом проект организован вокруг повторяющегося противопоставления казенной бюрократии и выборных земских должностных лиц. Назначаемые «приказные люди» не способны эффективно управлять, не вникают в локальный контекст, берут взятки и вымогают их, пристрастно разбирают дела. С другой стороны, эта неэффективная и коррумпированная административная машина является слабой, потому что такие представители коронной администрации попросту неспособны внушать к себе уважение. Напротив, эффективность избираемых дворянских должностных лиц обусловлена их сменяемостью, их принадлежность к локальной корпорации (где каждый знает каждого) и одновременно – принадлежность к более широкой дворянской корпорацией, обладающей высокими морально-этическими стандартами. В проекте часто подчеркивается: дворянин не даст обращаться с собой так, как обращаются с подьячим: не даст избить себя либо вымогать у себя взятку.

С другой стороны, проект содержит ряд суровых инвектив по адресу купечества. Кроме того, автор проекта обосновывает необходимость преобразований ссылками на бедственное положение... крестьян! «Невозможно всех притеснений бедным крестьянам описать во время приезда их в город» – их обманывают на каждом шагу. Дворянский торговый суд защитит «бедного и несмысленного» крестьянина от купцов. Купцы же по своей природе не склонны к «доброй полиции» (т.е. благоустройству), потому что для них важнее всего барыши: «Хотя б они и со вредом были обществу, но им барыша приносит на копейку три полушки, то он уже всю полицию и добрыя учреждения, на оные барыши променяет, а при том и то правда, что не своровав и не обманя ближняго, таких барышей и получить не можно»⁹. Высокая эффективность земского управления связана с его дворянским характером, поскольку именно дворяне – в отличие от купцов – способны трудиться на «общее благо» и защитить другие социальные группы (например, крестьян).

Все эти соображения позволяют уверенно характеризовать «Проект» как документ, подтверждающий факт консолидации дворянства в обеспечении его интересов в местном управлении. Однако остается вопрос: если

дворянское самоуправление было призвано заменить некомпетентную, неэффективную бюрократию, как должны были соотноситься полномочия выборных дворянских органов с абсолютной императорской властью? Можем ли мы считать дворянское самоуправление элементом «дворянского конституционализма»?

Автор проекта оговаривает, что дворянские собрания могут «представлять» императрице проекты преобразования, касающиеся «новых узаконений», направлять предложения по действующим нормам должны были следовать в Сенат или коллегии, а также «представлять» императрице о решениях Сената либо военной коллегии, вынесенным не в их пользу. Обосновывая право дворянских собраний делать предложения о «новых узаконениях», автор отмечал: «Которой губернии в чем немалая надобность и польза бывает, то тож самое дело в другой ни малой пользы не приносит, но еще и во вред бывает»¹⁰.

Куда интереснее обоснование права дворянских собраний жаловаться на сенатские и коллежские решения. Автор отмечает: «На сей пункт не думаю чтоб кто... досадовать мог, хотя он несколько и значит будто как бы с жалобой на Правительствующий Сенат и Военную коллегию, но в самом деле он не то значит, ибо Правительствующаго Сената господам сенаторам иногда разсудится за неважное, от какой провинции представление, потому что всякой мелкости в уездах знать не можно, а к тому ж иногда и обер-секретарь или секретарь во множестве дел доложить забудет, а в самом деле жителям того места необходимая»¹¹. Благодаря жалобам дворянских собраний непосредственно царице «господа обер-секретари и секретари забывать о докладе по доношениям не посмеют, а В[аше] И[мператорское] В[еличество] обо всем по сущей справедливости сведома быть соизволите»¹².

Эти предложения дополняются еще одним блоком рекомендаций в отношении имперского управления, которые следуют в конце текста. Здесь автор проекта предлагает упразднить юстиц-коллегию и вотчинную коллегию. Первая более не нужна – ее функции успешно исполняют дворянские выборные должностные лица; Юстиц-коллегия – это «спасение для ябедников неправых по своим делам», некоторые из ябедников так и умрут, «не дождавшись за свои худыя дела достойной заплаты»¹³. Вторая же должна быть переименована в Вотчинный архив. Такая децентрализация станет большой экономией средств Империи и повысит эффективность и управляемость администрации.

Рассмотренный «Проект...» – подтверждение уникального характера социально-политической мысли российского дворянства. «Проект...» вполне совпадает по своему содержанию с «Наказами» Уложенной комиссии: основными проблемами авторам этих текстов представлялись волокита, взяточничество, слабость администрации и бесчинства воинских ко-

манд. С другой стороны, авторы дворянских проектов осознавали дворянство единой корпорацией – в противопоставлении, например, купечеству – наделенную исключительными качествами для служения Отечеству. Таким образом, концептуальный язык «общего блага» использовался для обоснования «классового» доминирования, ведущей позиции дворянства в местном управлении – назначаемые бюрократы были коррумпированными и слабыми, алчность купцов исключала их участие в «общем благе», а крестьяне сами нуждались в защите и покровительстве.

Однако – и этот момент представляется мне наиболее важным! – автор «Проекта» *не говорит* о правах и законах. Именно поэтому «Проект» – как и масса других документов сходного характера, включая, например, дворянские указы в Уложенную комиссию – не могут расцениваться как «конституционалистская» традиция. Автора проекта интересует не *constitutio*, а решение насущных проблем, с которыми сталкивается провинциальное дворянство – прежде всего, с волокитой. Таким образом, дилеммой, которую решал «Проект», была не организация конституционно-правовой структуры Империи, а эффективность управления на местах.

Предложения автора «Проекта» о возможности дворянских собраний «представлять» императрице о новых законах вовсе не являются прологом парламентаризма. Напротив, из текста «Проекта» видно, что подобные предложения следуют скорее в русле российской традиции опоры на «общенародие» при создании правовых норм – традиции Земских соборов и Уложенных комиссий, которая никогда не представляла собой вызова абсолютизму. Речь идет о возможности мобилизовать абсолютную власть императора для решения локальных проблем, а не о консультативном механизме¹⁴.

Итак, автор «Проекта» расценивает дворянство как социальный слой, в наибольшей степени способного эффективно и компетентно управлять; согласно «Проекту», местное управление должно быть исключительной монополией дворянства. Но аргументация в пользу этой идеи строилась вокруг представления о рациональном интересе абсолютного монарха, заинтересованного в улучшении качества управления. Дворянские собрания должны были заменить некомпетентную бюрократию, исходя из соображений большей эффективности и государственной экономии. Это означает, что – если мы представим себе «Проект» реализованным на практике – полномочия дворянских собраний были бы условными; при изменении условий императорская власть переформатировала бы структуру локального управления по-новому, исходя все из того же рационального интереса и соображений эффективности. Иначе говоря: если бы коронная бюрократия была бы способна оперативно решать тяжбы и бороться с «воровскими партиями», а солдатские команды были бы расквартированы в городских казармах, у автора «Проекта» не осталось бы никаких аргументов в пользу дворянского самоуправления – впрочем, и сам автор мог бы счесть вопрос исчерпанным.

¹ См., например: Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984; Вдовина Л.Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII века / Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С.36-48; Польской С.В. Дворянский конституционализм в России XVIII - начала XIX в. // Вопросы истории, 2011, № 06. С. 27-42.

² Проект о учреждении порядков следующих к правосудию // Ф.1274.Панины – Блудовы. Оп. 1. Ед.хр. 977.

³ Там же. Л. 2-об.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 6-об.

⁶ Там же. Л. 22-об.

⁷ Там же. Л. 27 – 27-об.

⁸ Там же. Л. 35-об – 37.

⁹ Там же. Л. 46.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 10-об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л.51.

¹⁴ Этим различием я обязан блистательному анализу Д. Кристиана (Christian D. The 'Senatorial Party' and the Theory of Collegial Government, 1801-1803 // Russian Review, Vol. 38, No. 3 (Jul., 1979). Pp. 298-322). Кристиан считает, что попытки Сената усилить свою роль в государственной структуре при Александре I являются не проявлением стремления к «правлению закона» и ограничению абсолютизма в политико-правовых рамках конституционализма, а желанием сенаторов монополизировать доступ к абсолютной власти государя – ключевому властному ресурсу.

А. В. Емельянова

МЕМОАРЫ О РОЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ В ДОМАШНЕМ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ В РОССИИ XVIII в.

Реформы Петра I, заложившие основы организации сети школ для обучения детей духовенства под контролем государства и провозгласившие обязательность обучения детей духовного сословия в этих школах, способствовали тому, что в России увеличился слой образованных священно и церковно-служителей. Они нередко выступали в роли домашних учителей в семьях дворян или купцов или открывали школы грамоты, куда родители отдавали детей для овладения чтением и письмом.

Традиционное мнение о роли представителей духовенства в образовании других сословий выразил В.О. Ключевский своей статье «Образование